

РАЗВИТИЕ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ В ВУЗАХ РФ И ФГОС

Ключевые слова: ФГОС, академическая мобильность, индивидуальная академическая мобильность, совместные образовательные программы, программы двух дипломов, участие российских вузов в программах TEMPUS, ERASMUS MUNDUS.

Мониторинг эффективности внедрения федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) ВПО, осуществленный Ассоциацией классических университетов России (АКУР) по заданию Министерства образования и науки Российской Федерации, включал в себя:

- заочное анкетирование (более 300 вузов) и очные интервью (50 вузов); опрашивались проректоры по учебной работе; начальники учебно-методических управлений (УМУ); руководители учебных подразделений и их заместители;
- мониторинг сайтов вузов;
- заочное анкетирование студентов бакалавриата и магистратуры, обучающиеся по ООП на основе ФГОС, тех же вузов;
- анкетирование и очные интервью преподавателей, ведущих обучение по новым ООП, тех же вузов.

Оценка деятельности вуза по развитию внутрироссийской и международной академической мобильности студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников проводилась на базе следующих критериев:

- организованная вузом индивидуальная академическая мобильность студентов (международная);
- организованная вузом индивидуальная академическая мобильность преподавателей (международная);
- реализация совместных образовательных программ с российскими вузами;
- реализация совместных образовательных программ с зарубежными вузами;
- опыт участия в образовательных проектах Евросоюза: «Темпус», «Эразмус-Мундус», «Тюнинг» и др.

Одним из важных направлений внедрения ФГОС является развитие академической мобильности студентов, аспирантов, преподавателей и сотрудников. Академическая мобильность не является чем-то абсолютно новым для

российских вузов – она осуществлялась и в Советском Союзе (стажировки преподавателей и студентов в других вузах, в том числе зарубежных и т. д.).

Переход к практике именно массовой академической мобильности связан с требованием вариативности и индивидуализации обучения. Эти требования выдвигает современное производство: периоды радикальных технологических изменений, составлявшие ранее около 40 лет, в настоящее время сократились до 10–15, а вариативность технологических решений, в том числе в гуманитарной сфере, резко возросла. Соответственно, вариативность обучения, в том числе возможность прохождения обучения частично в других вузах, является неизбежным требованием рынка труда и запрашивается работодателем. Поэтому новые ФГОС предполагают индивидуализацию образовательной траектории студента и сетевое взаимодействие вузов, что осуществляется посредством, в том числе, академической мобильности. Идея компетенций позволяет «встроить» академическую мобильность в образовательный процесс. Теперь не эквивалентность программ, а сформированные, пусть за счет других модулей дисциплин и другого преподавательского состава, компетенции и становятся центральными для признания периодов обучения.

Можно говорить в целом о понимании важности развития академической мобильности. В частности, на вопрос о том, предполагает ли порядок организации образовательного процесса в вашем структурном подразделении, что студент может освоить часть ООП в другом вузе, утвердительно ответило 69% респондентов. В Уральском федеральном округе эта цифра близка к средней по стране – 66%. Можно утверждать, таким образом, что только 31% вузов не создавали новые ООП в рамках ФГОС с ориентацией на академическую мобильность (в УрФО – 31,3%).

Цифры ответа на вопрос: «Как изменилась политика вуза в отношении академической мобильности преподавателей и студентов?» – выглядят более оптимистично – 89% респондентов ответили, что изменилась в сторону усиления академической мобильности преподавателей и 90% – в сторону усиления академической мобильности студентов.

Заметим также, что отношение к академической мобильности разнится в зависимости от характера вуза – 100% федеральных университетов и вузов, имеющих статус национальных исследовательских университетов, заявляют об изменении своей политики в отношении академической мобильности, в то время как среди других вузов об этих изменениях говорят только 89% респондентов; 11% констатируют, что изменений политики вуза в отношении академической мобильности не было. Данные по Уральскому округу ниже средних по стране – 81,8% вузов УрФО говорят об изменении своей политики

в сторону усиления академической мобильности студентов; 77,3% – об изменении в сторону усиления академической мобильности преподавателей. Надо отметить, что небольшое «отставание» от средних по стране цифр характерно для вузов УрФО. Причин этого, на наш взгляд, несколько.

Во-первых, в округе больше, чем в среднем по стране технических вузов, в том числе с «закрытыми» специальностями. Понятно, что в процессы академической мобильности они включились позже и с ограничениями.

Во-вторых, ситуация с региональным рынком труда в рамках предложенных специальностей более оптимистична, чем в среднем по стране – у студентов нет необходимости искать возможности трудоустройства вне округа.

В-третьих, вузы УрФО основательно подходят к вопросам академической мобильности – у включившихся в процессы мобильности вузов мы наблюдаем меньше «ошибок» в нормативно-методическом обеспечении и т. д., однако подобная основательность требует времени, поэтому процесс включения в процессы академической мобильности затягивается.

В целом же можно констатировать: признание важности академической мобильности в вузах России произошло. Другой вопрос, как это признание воплощается в практике перехода на новые ФГОС.

Организованная вузом индивидуальная академическая мобильность студентов предполагает, что периоды обучения могут быть пройдены студентом в других вузах, и они будут определенным образом ему зачтены. Соответствующая практика и нормативные документы, ее регламентирующие, будут свидетельствовать о развитии академической мобильности. Кроме того, предполагается, что уровни (в европейских терминах – «циклы») обучения тоже могут проходиться студентом в разных вузах, и выдача европейского приложения к диплому должна свидетельствовать о включении российских вузов в этот процесс.

На прямой вопрос: «Осуществляется ли в вашем вузе академическая мобильность студентов?» – утвердительно отвечают 93% респондентов. В Уральском и Дальневосточном округах мы встречаем даже максимальную цифру – 100%; минимальная (87%) – в Северо-Кавказском федеральном округе. Однако уже следующий вопрос: «В какой форме осуществляется академическая мобильность студентов?» – четко показывает, что преобладающими является индивидуальная, во-первых, и самостоятельно организованная, во-вторых, мобильность (табл. 1). Языковые или иные краткосрочные курсы посещают студенты 84% вузов. И только пятая часть вузов (20%!) организует совместные программы или другие формы, в которых организационная работа вуза превалирует по сравнению с индивидуальной инициативой студентов (в данной таблице – вопрос «Другое»):

Таблица 1

Формы осуществления индивидуальной академической мобильности студентов в вузах (% вузов от общего числа вузов, участвовавших в мониторинге) на октябрь 2011 г.

Формы индивидуальной академической мобильности студентов	Количество вузов, в которых осуществляется академическая мобильность студентов в данных формах (в % от общего числа вузов)
Краткосрочные (на срок до 3 месяцев) языковые или иные курсы	84%
Самостоятельно организованное долгосрочное (от семестра и более) обучение в зарубежном вузе в рамках основной образовательной программы с помощью различных грантов	69%
Самостоятельно организованное долгосрочное (от семестра и более) обучение в зарубежном вузе в рамках основной образовательной программы за свой счет	53%
Самостоятельно организованное обучение в зарубежном вузе в рамках программы дополнительного образования	32%
Другое	20%

Интересно отметить, что наиболее интенсивно поездки на краткосрочные курсы осуществляют студенты из вузов Дальневосточного и Южного федеральных округов (92 и 95% соответственно). Это не совсем ожидаемые цифры – ранее цифры, характеризующие самостоятельную индивидуальную мобильность, четко коррелировали с уровнем обеспеченности города, региона. Сейчас ситуация меняется. Студенты вузов Дальневосточного округа едут на языковые курсы в ближайшие страны (прежде всего в Китай), что свидетельствует о росте приграничного и регионального сотрудничества.

Какие же усилия прилагают вузы для организации индивидуальной академической мобильности? (табл. 2).

Конечно, речь идет прежде всего об информационной поддержке и организационной поддержке (помощь в установлении контактов, помощь в получении визы и т. д.). О таких способах поддержки мобильности заявили 97 и 87% вузов соответственно. Интересно, что 3% вузов не оказывают даже информационной поддержки академической мобильности, то есть не дают никакой информации о возможностях обучения в других вузах, в том числе зарубежных. Можно сделать вывод, что для этих вузов развитие академической мобильности не находится в центре внимания и не является значимым.

Отметим, что цифры других форм поддержки – в два раза меньше. То есть там, где требуется уже инициатива вуза, а не студентов, картина выглядит иначе. И дело не только в финансовых трудностях (конечно, обучение в дру-

Таблица 2

**Направления поддержки развития индивидуальной академической
мобильности в вузах (% вузов от общего числа вузов,
участвовавших в мониторинге) на октябрь 2011 г.**

Направления поддержки вузом развития индивидуальной академической мобильности	Количество вузов, в которых осуществляется поддержка академическая мобильность в данных формах (в % от общего числа вузов)
Информационная поддержка	97%
Экспертная поддержка (оценка качества образования в других вузах, оценка полезности выбранного курса в рамках индивидуализированной образовательной траектории и т. д.)	46%
Организационная поддержка (помощь в установлении контактов с другим вузом, помощь в получении визы и т. д.)	87%
Помощь в поиске финансовых ресурсов осуществления академической мобильности	53%
Другое	8%

гом вузе требует дополнительных немалых затрат); вузы не прилагают и тех усилий, которые им вполне по силам.

А как та же ситуация оценивается не руководством, а студентами и преподавателями вузов? Начнем с того, что 95% студентов не осваивали часть ООП в другом вузе; только 14% планирует пройти часть обучения в другом вузе. Что же касается остальных, то можно утверждать, что 86% не брали в расчет возможность освоить часть ООП в другом вузе. На вопрос: «Планируете ли Вы пройти часть обучения в другом вузе» – 55% респондентов ответили «нет» и 31% не определились; при ответе на уточняющий вопрос: «Будет ли это российский или зарубежный вуз?» – 86% выбрали ответ «Не планирую». Эта цифра – точная сумма ответов «нет» и «не определился». Можно утверждать, что эти 31% студентов рассматривает возможность обучения в другом вузе как абсолютно абстрактную, не имея плана действий по ее реализации. В УрФО только 8% студентов уверены, что новые ООП позволяют пройти часть обучения в другом вузе; при этом 20% планируют пройти обучение в другом вузе; 2% нацелены на российские вузы и 15,3% на зарубежные (остальные 2,7% еще не решили, будет это российский вуз или зарубежный).

Позиция руководства вузов, как мы показали выше, более оптимистична. Но новыми возможностями пользуется всего лишь одна седьмая часть студентов в среднем по стране. Более того, только 23% студентов уверены, что

порядок организации образовательного процесса на их факультете (институте) предполагает возможность освоения части ООП в другом вузе; 51% не осведомлены об этом. 25% респондентов уверены, что такой возможности не существует. Вузам для начала необходимо просто проинформировать студентов о возможности освоения части ООП в другом вузе (российском или зарубежном) как одной из стратегий индивидуализации образовательной траектории – ведь три четверти студентов просто не знают об этом.

Теперь проанализируем, каким образом представляют себе российские студенты освоение части ООП в другом вузе. 17% не знают, какие части ООП студент может освоить в другом вузе; большинство полагает, что речь идет об освоении отдельных дисциплин (52%), научно-исследовательской работе (45%) и прохождении практики (41%). Возможность изучения модуля дисциплин берет в расчет лишь каждый пятый (20%). В УрФО возможность изучения модулей в расчет не брал ни один студент. Здесь, видимо, мы имеем дело со сложившейся университетской традицией – в рамках межвузовских соглашений студенты либо проходили практику в вузе-партнере, причем на паритетной основе, либо направлялись в другой вуз для ведения научной работы. Причем если в первом случае речь шла максимум о 20% студентов, то во втором это были единицы. По-видимому, студенты по-прежнему полагаются на инициативу вуза в области академической мобильности. Только пятая часть студентов, считающая возможным освоить модуль дисциплин в другом вузе, пытается самостоятельно планировать образовательную траекторию.

Интересно также отметить, что обучение в зарубежном вузе не является безусловным приоритетом для российских студентов – из 14% студентов, планирующих пройти часть обучения в другом вузе, 35% (то есть 5% от общего числа респондентов) собираются изучить часть ООП в российском вузе; 44% (6% от общего числа респондентов) – в зарубежном.

Однако, сопоставляя эти цифры с существующим положением дел, мы видим иную динамику. Из числа опрошенных магистрантов только 5% осваивали часть ООП в другом вузе, причем 4% – в российском и 1% – в зарубежном. То есть 83% участников академической мобильности осваивали часть ООП в российском вузе. Собираются же освоить, как мы указывали выше, 35%. Налицо смена вектора интереса студентов – обучающиеся по программе бакалавриата более ориентированы на зарубежные вузы, на что нужно обратить внимание.

Можно также говорить о том, что ряд вузов ориентируется на академическую мобильность только декларативно. Даже несложных шагов в направлении ее организации не делается. Прямой вопрос о политике поддержки

взвзом академической мобильности мы задавать не стали, рассчитывая, что получим подавляющее большинство утвердительных ответов. Нас будет интересовать уже не позиция, а действительная работа вуза. Для ее выявления в разных анкетах был задан комплекс вопросов о работе вуза по организации академической мобильности.

Начнем с вопроса о выдаче выпускникам российских университетов общеевропейского приложения к диплому, которое позволило бы им продолжить обучение на следующей ступени или облегчило бы процесс поиска стажировки или работы за рубежом. Долгое время документом, регламентирующим данный процесс, являлось Письмо Департамента государственной политики в образовании Минобрнауки России от 23 марта 2006 г. № 03-336 «О введении российского приложения к диплому о высшем профессиональном образовании», в соответствии с которым «вопросы выдачи общеевропейского положения к диплому (Diploma Supplement) решались высшими учебными заведениями самостоятельно». Однако утвержденная Приказом Минобрнауки России № 163 от 2 марта 2012 года новая форма приложения к диплому о ВПО не соответствует форме Diploma Supplement, на которую ориентируются европейские страны. Это создает дополнительные сложности для вузов.

В настоящее время (согласно данным опроса) только половина вузов России выдает общеевропейское приложение к диплому. На вопрос анкеты о том, выдается ли в вузе приложение к диплому европейского образца, были даны следующие ответы: «да, всем выпускникам» – 1%, «да, по запросу выпускников» – 43%, «нет» – 56%). В УрФО ни один вуз не выдает европейское приложение к диплому всем выпускникам, половина вузов выдает его по запросу выпускника и половина не выдает вообще. Такое соотношение часто встречается в УрФО – ряд вузов медленно и основательно включается в процессы академической мобильности.

Нас также интересовали вопросы об имеющейся в российских вузах практике признания периодов обучения, пройденных студентами в других вузах (в том числе зарубежных), и их нормативно-методическом закреплении в соответствующих положениях, правилах и т. д. Право вуза самостоятельно устанавливать эту процедуру закреплено в типовом положении о вузе, утвержденном Постановлением Правительства № 71 от 14 февраля 2008 года (п. 4б). Ведь раньше академическая мобильность студентов не была массовой, она была рассчитана на единичные случаи, поэтому документов, регламентирующих процедуру признания или аттестации периодов обучения на федеральном уровне или даже на уровне вуза, не создавали. Поэтому наличие в настоящее время в вузах документов, регламентирующих процедуру зачета

студенту периодов обучения, освоенных им в другом вузе (в том числе зарубежном), свидетельствует о росте «массовости» данной практики в вузе.

На вопрос: «Разработаны ли в вашем вузе механизмы и процедуры признания, зачета и аттестации периодов обучения, освоенных студентами в других вузах, в том числе зарубежных?» – утвердительно ответили 27% респондентов (руководителей учебно-методических управлений вузов). Опять же мы наблюдаем отставание от общих цифр в УрФО – там только 20% руководителей УМО дают утвердительный ответ на этот вопрос. Любопытно при этом, что лидерами здесь являются национальные исследовательские университеты – в 31% есть такие механизмы; далее следуют региональные вузы «без статуса» – 26%; и только один из семи опрошенных федеральных университетов сообщил о том, что имеет такую практику (Казанский (Приволжский) федеральный университет).

По результатам анкетирования руководителей структурных подразделений вузов мы получили следующий результат: только 38% из числа вузов, в которых есть практика признания, зачета и аттестации периодов обучения, применяют ее для признания периодов обучения, освоенных студентами в зарубежных университетах, и 78% вузов применяют ее для признания периодов обучения, освоенных студентами в российских университетах; в УрФО те же цифры составляют 21,5% и 74,2% соответственно.

Если процедуры и механизмы признания, зачета и аттестации периодов обучения, освоенных студентами в других вузах, в том числе зарубежных, разработаны, то это должно найти отражение в нормативных документах вузов. Однако здесь возникает следующая ситуация. Адресуя вопрос проректору по международной деятельности вуза: «Имеются ли в вашем вузе нормативно-методические документы, регулирующие процедуры зачета периодов обучения студента вашего вуза в других вузах (в том числе зарубежных) в рамках индивидуальной академической мобильности?» – мы получили 42% утвердительных ответов. Напомним, что в то же время только 27% респондентов тех же вузов (руководителей учебно-методических управлений) ответили, что в их вузах разработаны механизмы и процедуры признания, зачета и аттестации периодов обучения, освоенных студентами в других вузах, в том числе зарубежных. О чем говорят эти цифры? Либо о том, что документы в вузе разработаны, но на практике они в значительном количестве части вузов не применяются, либо об отсутствии информированности и реального взаимодействия различных служб ректоратов вузов.

Проведенный нами мониторинг сайтов вузов, подведомственных Минобрнауки России, показал, что процент вузов, указавших, что они создали механизмы и процедуры зачета и аттестации периодов обучения, освоенных

студентами в других вузах, значительно отличается от процента вузов, на сайтах которых размещены соответствующие нормативные и методические документы. Интересны и цифры по округам (табл. 3).

Таблица 3

Сравнение данных по наличию на сайте вуза порядка (положения, методики, рекомендаций) зачета и аттестации периодов обучения, освоенных студентами в других вузах, в том числе зарубежных (% вузов от общего числа в исследуемой совокупности вузов, по федеральным округам) на октябрь 2011 г.

	ЦФО	ЮФО	СЗФО	ДФО	СФО	УрФО	ПФО	СКФО	Всего
По данным анкетирования	28	20	24	31	27	20	28	31	27
По данным мониторинга сайтов	14	соответствует	14	6	19	5	15	13	14

В анкетах был заложен некоторый «исторический» срез, позволяющий оценить динамику развития вузов в вопросах реализации академической мобильности. На вопрос: «Каким образом в вузе до перехода на ФГОС ВПО студенту зачитывались периоды обучения в другом вузе?» – были получены следующие ответы: «зачитывались полностью по заявлению студента» – 6%; «частично зачитывались по усмотрению руководства факультета и кафедр, частично переаттестовывались» – 78%; «только переаттестовывались» – 12%; «не зачитывались и не переаттестовывались» – 4%. Последняя цифра говорит о том, что, скорее всего, вуз не обращал внимания на развитие академической мобильности, она если и осуществлялась студентами, то на свой страх и риск. Интересна близость этой цифры другой – около 3% вузов не оказывают даже информационную поддержку развитию академической мобильности. Она же воспроизводится и при ответах на следующие вопросы. На вопрос: «С введением новых ФГОС ВПО и переходом на систему зачетных единиц обновили ли ваш вуз порядок зачета студентам, участвующим в программах двустороннего и многостороннего обменов, дисциплин, модулей, практик?» – утвердительно ответили лишь 22% респондентов.

При этом наблюдается разная ситуация и по округам – если 39% вузов Дальневосточного федерального округа говорят о таком обновлении, то в Приволжском и Северо-Кавказском федеральном округах это обновление осуществили соответственно 10 и 13% вузов. Однако подобное обновление было необходимым, так как ГОС второго поколения, не ориентированные на компетентностный подход, позволяли зачитывать пройденные курсы только по принципу их эквивалентности; в рамках новых ФГОС появляется возмож-

ность говорить о признании периодов обучения; нет необходимости жесткого соответствия каждого курса одной ООП каждому курсу другой ООП. Столь небольшие цифры обновлений говорят о том, что переход от идеи эквивалентности к идее признания курсов (уже законодательно закрепленный изменениями, внесенными в Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании») пока недостаточно быстро приживается в практике российских вузов.

На следующий вопрос: «Если нет, то когда планируется разработать такой порядок зачета?» – 4% вузов ответили, что такая разработка не планируется вообще; 37% – что она будет осуществлена в ближайшее время; 59% – что она в принципе будет осуществлена, но в неопределенное время. Для 59% это вопрос не первостепенной важности, и в ближайшее время вуз не планирует работ в этом направлении. А в 4% российских вузов не осуществляется академическая мобильность как массовая практика вообще; ее развитие не является приоритетным для вуза. Напомним, что 90% проректоров по учебной работе заявляли о приоритетности академической мобильности! Довольно оптимистичной выглядит цифра, что 69% структурных подразделений вузов, входящих в состав 310 вузов, подведомственных Минобрнауки России и участвующих в данном опросе, практикуют организацию образовательного процесса, предполагающую возможность осваивать часть ООП в другом вузе. Однако эта цифра нуждается в трезвой «коррекции» – ведь, как мы отметили выше, только 27% респондентов тех же вузов (руководителей учебно-методических управлений) ответили, что в их вузах разработаны механизмы и процедуры признания, зачета и аттестации периодов обучения, освоенных студентом в другом вузе. И только 37% из оставшихся вузов (то есть около трети вузов от общего числа вузов, подведомственных Минобрнауки России) планирует их разработку в ближайшее время.

О развитии академической мобильности не в единичных случаях, а как о массовой практике, как о важном направлении политики вуза, можно, таким образом, говорить лишь в отношении примерно половины вузов страны. Эта же цифра еще раз подтверждается и данными ответа на вопрос: «В какой мере новая структура основных образовательных программ, разработанных в вузе на основе ФГОС ВПО, будет способствовать развитию академической мобильности, созданию совместных образовательных программ?» – ответили «значительно» – 50%; «незначительно» – 29%; «не будет способствовать развитию» – 1%; «затрудняюсь ответить» – 20%. (Данные по УрФО близки средним по стране: «значительно» – 45,5%, «незначительно» – 31,8%, «не будет способствовать» – 0%.)

Выше речь шла именно об организации индивидуальной академической мобильности студентов. Похожие данные мы имеем в *отношении организации вузом индивидуальной академической мобильности преподавателей*.

На вопрос: «Как изменилась политика вуза в отношении академической мобильности преподавателей?» – 89% вузов отвечают, что изменилась в сторону усиления академической мобильности; 11% констатируют, что в их вузе не предусматривается мероприятий по развитию академической мобильности преподавателей. Это достаточно большая цифра. С чем она связана?

С тем, что у ученых российских вузов существует возможность осуществления индивидуальной академической мобильности и без помощи своего вуза – университеты и научные фонды США и Западной Европы, обладая неплохой финансовой базой и будучи заинтересованы в российских ученых, оказывают им достаточно серьезную поддержку. Ряд ведущих российских вузов вынуждены вводить своеобразные «ограничения» на индивидуальную академическую мобильность ученых, разрешая уезжать в долгосрочные командировки не чаще, чем раз в пять лет во время творческого отпуска. Такая практика, впрочем, вполне соотносится с общемировой. Поэтому получается, что вузы, располагающие достаточными ресурсами для развития индивидуальной академической мобильности преподавателей, не планируют активизацию данной деятельности, поскольку она и так осуществляется. Но активизировать студенческую академическую мобильность такие вузы в основном настроены. Однако здесь необходимо отметить, что процент вузов, не планирующих мероприятий по усилению академической мобильности студентов, тоже близок этой цифре – 10%. В половине случаев вузы, не планирующие развитие индивидуальной академической мобильности студентов, и вузы, не планирующие развитие индивидуальной академической мобильности преподавателей, – это одни и те же вузы. То есть около 5% вузов не считают проведение политики развития академической мобильности своим приоритетом. А 17% вузов не имеют договоров с вузами зарубежных стран в области образования.

Оценить «вес» усилий вузов по развитию академической мобильности как студентов, так и преподавателей, можно, исходя из количества договоров, заключенных вузами. Резкий рост числа просто работающих договоров (а общее число договоров только 910 российских вузов с зарубежными партнерами перевалило за 8000) говорит о серьезных усилиях, приложенных вузами в области организации академической мобильности и развития совместных программ. При этом есть вузы, имеющие 250 договоров и более. Это Российский университет дружбы народов, Южный и Дальневосточный федеральные университеты, а также Национальный исследовательский Санкт-Петербургский политехнический институт.

Но каков характер этих договоров?

Заметим, что, согласно данным мониторинга, 16% вузов вообще не имеют договоров с зарубежными странами в области образования (рис. 1). Из имеющихся у 310 вузов договоров об обмене студентами, аспирантами и преподавателями со странами СНГ только 56 являются договорами, четко прописывающими конкретные обязательства сторон; что касается договоров с зарубежными вузами, то здесь ситуация несколько лучше – 144 договора 310 вузов четко прописывают конкретные обязательства сторон. То есть примерно половина договоров с зарубежными странами и 80% договоров со странами СНГ являются лишь общей констатацией желания сотрудничать. То есть ровно 200 договоров 310 вузов и характеризуют реальную долю организованной именно по инициативе вуза академической мобильности студентов, аспирантов и преподавателей.

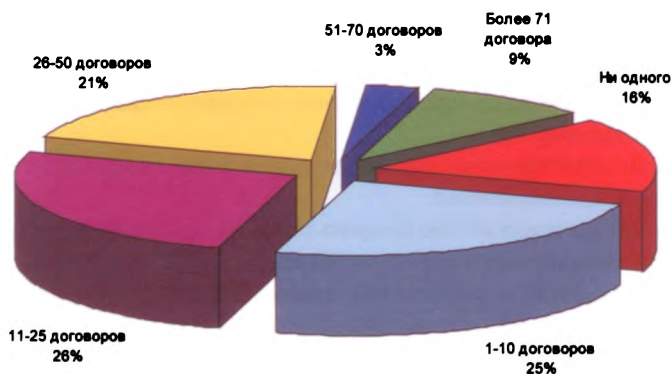

Рис. 1. Процент вузов, имеющих договоры в области образования с вузами зарубежных стран (от общего числа вузов, участвовавших в мониторинге на октябрь 2011 г.)

Договоры о совместных программах с выдачей двух дипломов составляют менее четверти от числа договоров. Также стоит отметить, что вузы-лидеры, упомянутые выше, успешнее, чем в среднем по стране, решают проблему создания и обновления нормативно-методической базы академической мобильности.

А что думают сами преподаватели о практике развития академической мобильности?

Небольшой процент интервьюируемых четко не представляет себе, о чем идет речь, и зачисляет в академическую мобильность курсы повышения квалификации, выезды на оппонирование диссертаций и т. д. Например, далеко не единичное высказывание в ходе глубинных интервью: «Опять же если академическую мобильность преподавателя рассматривать в трех направлениях, то это повышение квалификации – это есть вообще неотъемлемый элемент профессиональной деятельности, т. е. каждые пять лет преподаватель должен проходить повышение квалификации, это инициатива идет от ректората, естественно, может исходить и от преподавателя, если еще сроки не выдержаны. Если академическую мобильность преподавателя рассматривать как участие в научно-исследовательской деятельности, в конференциях, олимпиадах, то в данном случае инициатива, конечно, исходит от самих преподавателей. ...к активной мобильности еще можно отнести защиту кандидатских диссертаций, т. е. это инициатива самих преподавателей». Встречаются суждения о том, что регулярные подработки преподавателей в других вузах данного города – это тоже академическая мобильность. УМУ вузов совместно с международными отделами имеет смысл провести информационно-разъяснительную работу, объясняя преподавателям содержание понятия «академическая мобильность».

Данные анкетирования позволяют судить о масштабах академической мобильности преподавателей.

В настоящее время можно говорить о том, что только каждый пятый преподаватель «академически мобилен». На вопрос: «Как часто Вы выезжали на работу в вузы других городов нашей страны или зарубежных стран?» – 79% опрошенных отвечают: «не выезжали» (в УрФО – 89,4%). Однако и для остальных речь идет в 65% случаях о 1–3 поездках (одна поездка – 32% участвовавших в академической мобильности, две поездки – 19%, три поездки – 15%). Пять и более поездок совершили всего лишь 13% участвовавших в академической мобильности, а это значит, что лишь 3% преподавателей регулярно выезжают на работу в вузы России или за рубеж.

Конечно, однозначно оценивать данную ситуацию как «плохую» не стоит. Во-первых, у преподавателя есть постоянное место работы, и постоянные отъезды могут создать проблемы в организации учебного процесса. Ряд вузов и их структурных подразделений вынужден идти на «ограничения» индивидуальной мобильности преподавателей.

Во-вторых, возможность академической мобильности не одна и та же на разных факультетах. Например, система права специфична для каждой страны, и возможности совместной разработки в этой области значительно уже, чем, например, в естественных науках. Поэтому стремиться к средним обобщенным показателям явно не стоит.

В-третьих, проблемы академической мобильности преподавателей, конечно, связаны с проблемой финансирования, и многие отмечают в глубинных интервью, что при наличии финансирования (например, в рамках программы ERASMUS MUNDUS) эта мобильность осуществлялась в гораздо больших масштабах.

Названные причины побуждают к тому, чтобы вопросы академической мобильности преподавателей решались взвешенно, исходя из текущих нужд и возможностей конкретного вуза.

Интересно, что данные о выездах в вузы других городов и стран практически совпадают с цифрами ответа и на другой вопрос: «Известно ли Вам о фактах работы преподавателей вашего вуза в вузах других городов России или других стран? О скольких фактах вам известно?» – 39% преподавателей не знают о таких фактах, т. е. по крайней мере в их структурном подразделении академическая мобильность преподавателей практически не осуществляется. Примерно те же данные дают глубинные интервью. «Мобильность преподавателей, скорее, исключение, чем правило» – часто встречаемое суждение. В остальных 61% случаев преподаватели говорят об известных им фактах 1, 2, 3 и т. д. поездок преподавателей их факультета. Однако есть небольшой процент очень оптимистичных ответов – от 10 до 27.

Обратимся к позиции руководства вуза, к тому, какая помощь оказывается преподавателям в организации академической мобильности.

На вопрос: «Если поездки в вузы других городов России и других стран практикуются, то какова, по Вашему мнению, позиция руководства вашего вуза в отношении этих поездок?» – 38% отвечают, что академическая мобильность поощряется (в ПФО – 28,8%); 55% затрудняются ответить (в УрФО – 56,1%). А вот 8% опрошенных преподавателей утверждают, что академическая мобильность руководством структурного подразделения и вуза не поощряется. Отметим, что в УрФО эта цифра существенно выше – 15,6% преподавателей говорят о «непоощрении» академической мобильности руководством. Еще раз повторим – эта цифра может быть связана с «закрытым» характером ряда специальностей вуза; однако иногда, скорее, речь идет о негативной настроенности руководства вуза в отношении академической мобильности, которая является, с точки зрения руководства, прикрытием «утечки мозгов».

Данные интервью подтверждают эти цифры – вот суждение заместителя руководителя структурного подразделения по учебной работе: «Как правило, в год 5–6 человек получают возможности академической мобильности. Но не всегда это укладывается в рамки учебного процесса». Однако руководство вузов утверждало, что политика вуза в отношении академической мобильности преподавателей изменилась в сторону усиления, и только 7% о таком уси-

лении не говорили. Видимо, действительно в небольшом числе случаев речь идет об отсутствии поддержки.

«Если же вуз оказывает поддержку, то какую?» 54% говорят об информационной поддержке; 43% – о финансовой; о помощи в оформлении документов заявили 34% опрошенных. Сопоставляя эти данные с данными глубинных интервью, получаем следующее: в случае финансовой поддержки речь идет чаще всего о совместных программах вузов разных городов и стран, причем эта практика становится все более массовой – примерно в каждом третьем вузе преподаватели рассказывают о совместных программах. Иногда, правда, преподаватели путают академическую мобильность и курсы повышения квалификации в другом вузе. В отличие от студентов, преподаватели на отсутствие информации, предоставляемой руководством вуза, не жалуются.

Основные же трудности академической мобильности преподавателей, выделяемые респондентами, – проблема языкового барьера (упоминаются чаще всех в глубинных интервью), финансовые трудности (вторые по частоте упоминания), организационные проблемы (прежде всего, чтение «часов» данного преподавателя другими во время его отъезда в рамках академической мобильности).

Теперь обратимся к анализу практики *создания совместных программ как с российскими, так и с зарубежными вузами.*

Понятие «совместная образовательная программа» введено в «Типовом положении об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении)», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2008 г. № 71. В соответствии со ст. 39 типового положения о вузе: «Основные образовательные программы ВПО могут разрабатываться и реализовываться совместно несколькими высшими учебными заведениями, в том числе, зарубежными, в порядке, устанавливаемом Министерством образования и науки Российской Федерации». Однако, к большому сожалению, такой порядок до настоящего времени Министерством образования и науки не установлен.

В европейских странах рабочими критериями классификации программы как совместной являются следующие:

- программы разработаны и/или одобрены совместно несколькими вузами;
- студенты каждой из сторон принимают участие в программе обучения в других учреждениях;
- пребывание студентов в вузах – участниках межвузовских программ имеет сравнительно одинаковую продолжительность;
- периоды обучения и экзамены, сданные студентами в вузах – участниках программы, признаются полностью и автоматически;

- преподаватели каждого из вузов – участников также преподают в других учреждениях, совместно разрабатывают учебный план и образовывают совместные приемные и экзаменационные комиссии;
- по завершении всей программы обучения студенты получают либо национальные сертификаты каждого из учреждений-партнеров, либо им выдаются совместные (чаще неофициальные) свидетельства или дипломы.

Был задан вопрос о распространенности практики совместных образовательных программ. В целом по стране 28% вузов реализует совместные программы на уровне магистратуры, 31% – на уровне бакалавриата и 15% – на уровне подготовки специалиста. Это соотношение отличается от вышеприведенных данных – там речь идет о том, что только 23% программ являются совместными в строгом смысле слова; к тому же большинство совместных программ (около 65%) реализуется на уровне магистратуры. В чем здесь дело? Видимо, в разнице понимания самого понятия совместных образовательных программ.

Цифры по программам, предусматривающим выдачу двух или более дипломов, соответствуют вышеприведенным данным – только 24% уровня бакалавриата, 24% программ уровня магистратуры и 11% программ уровня подготовки специалиста являются программами двух дипломов (рис. 2).

Расхождение же в 5–8% между количеством совместных образовательных программ и программ двух дипломов объясняется, скорее всего, тем, что остальные программы являются краткосрочными (речь идет, например, о стажировках или языковых курсах), поэтому не предполагают выдачу дипломов. Интересно, что в вузах УрФО подобного расхождения нет – только в этом округе совпадает цифра программ двух дипломов и совместных программ; однако общее их количество ниже средних по стране – о существовании совместных программ на уровне бакалавриата заявили 22,7% вузов; на уровне магистратуры – тоже 22,7% вузов. Речь идет, скорее всего, о технических специальностях, где-либо введены программы «интегрированного магистра», либо сохранены программы подготовки специалистов.

Интересно отметить, что такая же ситуация подтверждается данными мониторинга сайтов вузов (табл. 3). Количество размещенных на них положений о совместных образовательных программах близко количеству заявленных программ двух дипломов по округам. Исключения составляют Дальневосточный и Северо-Кавказский федеральные округа, где на сайтах находится соответственно в 3 и в 1,5 раза меньше положений, чем вузы, согласно их данным, разработали.

Обратим внимание, что при достаточно немалой цифра реализации совместных программ, в том числе программ двух дипломов, ни один вуз УрФО

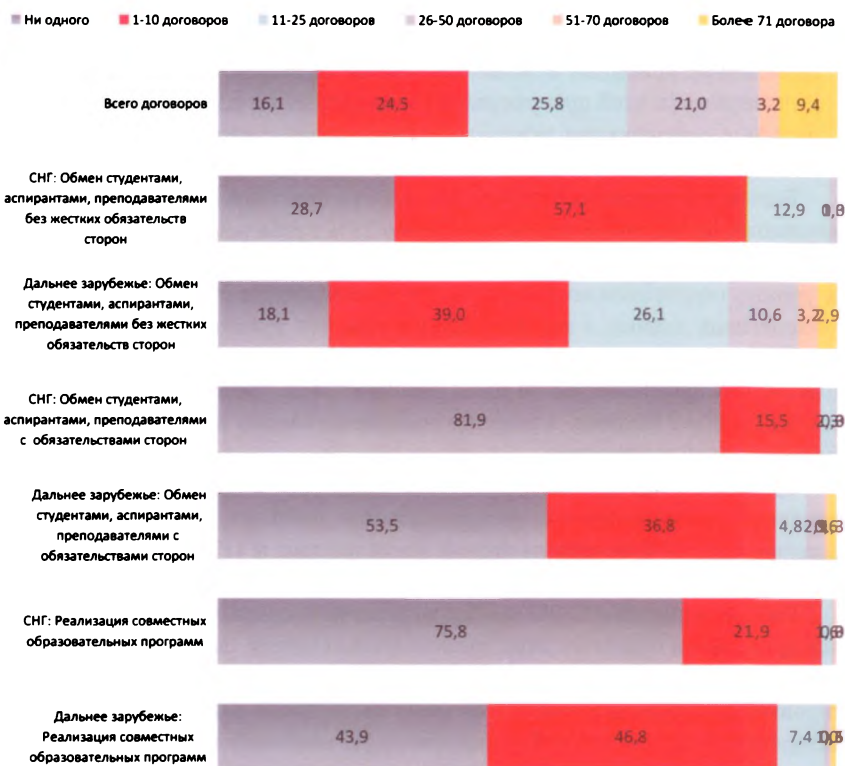

Рис. 2. Общее количество совместных программ с вузами СНГ и зарубежья и количество среди них программ с выдачей двух дипломов (% вузов от общего числа вузов, участвовавших в мониторинге)

не разработал положение о реализации совместных программ. Напомним, согласно «Типовому положению об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении)», утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2008 г. № 71)» порядок создания и реализации совместных образовательных программ устанавливается Минобрнауки. Однако до сих пор он не установлен. Введение в проект нового закона «Об образовании в Российской Федерации» статей о сетевом взаимодействии не облегчает создание этого порядка. Желание вузов УрФО «не бежать впереди паровоза» понятно.

Таблица 3

Сравнение данных по наличию на сайте вуза положения о реализации совместных образовательных программ с другими вузами, в том числе зарубежными (% вузов от общего числа в исследуемой совокупности вузов, по федеральным округам) на октябрь 2011 г.

	ЦФО	ЮФО	СЗФО	ДФО	СФО	УрФО	ПФО	СКФО	ВСЕГО
По данным анкетирования	18	15	24	23	18	0	9	19	16
По данным мониторинга сайтов	соответствует	соответствует	соответствует	8	соответствует	соответствует	соответствует	13	соответствует

Значительные цифры, представленные вузами по количеству имеющихся договоров с вузами зарубежных стран, в которых предусмотрена реализация программ двух дипломов, не поддаются однозначной трактовке. С одной стороны, столь значительные цифры могут указывать на то, что договоры с вузами заключены, но до реализации пока не дошло. С другой стороны, приведенные цифры могут быть результатом неоднозначного понимания того, что можно считать программой «двух дипломов». Повторим, в российском законодательстве нет однозначного определения даже понятия «совместная образовательная программа», тем более понятия «программа двух дипломов», но вузам можно было бы ориентироваться на европейскую практику, однако этого не происходит. Почему?

Для этого был задан комплекс вопросов, посвященных интеграции российских вузов в мировое образовательное пространство в рамках образовательных проектов Евросоюза – TEMPUS, ERASMUS MUNDUS, TUNING и др. – вопросов об *опыте участия в образовательных проектах Евросоюза*. Участие в данных проектах позволило бы учесть европейский опыт (а развитие академической мобильности – один из приоритетов Болонского процесса, к которому Россия присоединилась в 2003 г.). Использование данного опыта ускорило бы процесс развития академической мобильности в РФ. Кроме того, Евросоюз предоставляет немалые финансовые средства для данных программ, что также немаловажно для вузов РФ, зачастую сталкивающихся с проблемой финансирования академической мобильности.

29% вузов РФ не участвовали в образовательных проектах Евросоюза (TEMPUS, ERASMUS MUNDUS) и 61% вузов при создании ООП в рамках

ФГОС ВПО не ориентировались на методологию TUNING, как раз предназначенную для создания программ, ориентированных в том числе на развитие академической мобильности. Данные по УрФО – 31,6% вузов не участвовали ни в одном проекте; 29,8% участвовали в 1–2 проектах; 38,6% участвовали в трех и более проектах. В Северо-Кавказском округе вне рамок этих программ оказались 40% вузов. Эти цифры напрямую свидетельствуют о степени активности вузов – участие в данных программах осуществляется на конкурсной основе и открыто для всех; при этом эти программы не ориентированы только на самые сильные вузы – поощряется сотрудничество и создание консорциумов вузами независимо от их позиций в образовательной системе страны; не требуют они и особых финансовых ресурсов – Евросоюз выделяет достаточно средств. От вузов в данном случае требуется серьезная организационная и методическая работа, но относительно этих составляющих все вузы РФ находятся в равной ситуации.

Этот вывод подтверждается также и цифрами об участии в европейских программах федеральных и национальных исследовательских университетов – 57% первых и 74% вторых имеют опыт участия в трех или более образовательных проектах Евросоюза.

В вузах, участвовавших в данных программах, сложилась наиболее благоприятная ситуация с организацией и методическим закреплением практики академической мобильности – цифры относительно любого аспекта организации и реализации академической мобильности выше средних по региону и стране в целом. Например, в федеральных университетах и национальных исследовательских университетах мы получаем соответственно 57% и 52% утвердительных ответов на вопрос, имеются ли в вашем вузе нормативно-методические документы, регулирующие процедуры зачета периодов обучения в других вузах (в том числе зарубежных) в рамках индивидуальной академической мобильности против 42% в целом по стране; 71% федеральных университетов и 63% национальных исследовательских университетов полагают, что новая структура ООП, разработанных в вузе на основе ФГОС ВПО, будет способствовать развитию индивидуальной академической мобильности студентов, созданию совместных образовательных программ; в целом же по стране эта цифра – 50%. Примерно такие же соотношения мы видим при анализе анкет отдельных вузов.

Проект же TUNING («Настройка образовательных структур в Европе») имеет как раз методологическую направленность, ставя перед собой цель – предложить всесторонний подход к реализации задач Болонского процесса на уровне университетов и предметных областей. Проект предлагает комплексную методологию разработки, реализации и оценки образовательных

программ для каждого из двух уровней обучения (на основе компетентностного подхода), что необходимо для обеспечения их сопоставимости, совместимости и прозрачности. Интересно, что на вопрос: «В какой степени использовалась методология, выработанная в рамках международного проекта «Настройка образовательных структур в Европе» – TUNING – при разработке ООП на основе ФГОС ВПО?», заданный проректорам по международной деятельности вуза, мы получили следующие ответы: «использовалась достаточно полно» – 11% (в УрФО – 6, 3%); «использовалась, но незначительно» – 43% (в УрФО – 25%); «совсем не использовалась» – 46% (68, 8%). Из них 16% полагает ее неприменимой, а остальные 85% не имеют информации о ней. Интересно, что на такой же вопрос в другой анкете, поставленный руководителям учебно-методического управления вузов, дается 39% положительных ответов и 61% отрицательных ответов. Результаты анкеты 4, где был повторен тот же вопрос для руководителей структурных подразделений (деканов факультетов), отличаются от результатов второй и третьей анкет по данному вопросу. 44% деканов говорят об использовании методологии TUNING, а 57% утверждают, что к ней не прибегали. При этом из этих 57% только 9% считают ее неприменимой в условиях России.

Довольно большое расхождение данных трех анкет по вопросу применения методологии TUNING при проектировании ООП на основе ФГОС позволяет сделать вывод о том, что многие российские вузы плохо координируют работу различных управлений ректоратов и в недостаточной степени обеспечивают их взаимодействие со структурными подразделениями в вопросах разработки и реализации ООП на основе ФГОС.

Несмотря на достаточно широкое использование методологии TUNING (а 23% вузов использовали ее для формирования набора компетенций выпускников, 24% – для применения модульного подхода к построению образовательного процесса и 30% – для использования академических кредитов (анкета 2, вопрос 23), по ответам на большое количество вопросов анкет 2 и 4 (использование модулей и зачетных единиц) можно косвенно судить о недостаточном понимании этой методологии.

Такова ситуация с политикой развития академической мобильности в вузах РФ. *В целом можно говорить о сложившемся понимании важности политики академической мобильности (для 90% вузов). Можно констатировать, что только около 4% вузов, подведомственных Минобрнауки России, не проводят политику активизации академической мобильности; более 50% не только считают данную политику важной; они систематически реализуют ее.*

Теперь обратимся к вопросу, что же мешает проводить эффективную политику развития академической мобильности.

Сами вузы выделяют следующие трудности для развития академической мобильности в целом и для создания совместных образовательных программ в частности (табл. 4).

Таблица 4

Проблемы, с которыми сталкиваются вузы при проектировании и реализации совместных образовательных программ с зарубежными странами (% вузов от общего числа вузов, участвовавших в мониторинге); на октябрь 2011 г.

Проблемы	% вузов, отметивших существование данной проблемы	% вузов, отметивших существование данной проблемы в УрФО
Отсутствие нормативных документов, регулирующих порядок направления студента на обучение в другом вузе	55	50
Отсутствие нормативной процедуры зачета периодов обучения студента в вузе-партнере	59	63
Сложности с выдачей документов государственного образца участникам совместной программы	39	38,9
Сложности оформления приглашений и виз студентам и преподавателям вуза-партнера (сложная процедура, длинные сроки)	28	31,5
Финансовые трудности	79	85,2
Языковой барьер	41	35,2
Другое	5	3

Острее всего, как мы видим, в УрФО ощущаются финансовые проблемы и проблемы нормативно-правовой базы осуществления академической мобильности. Однако вуз, в соответствии с «Типовым положением о образовательном учреждении ВПО...», имеет право самостоятельно устанавливать порядок зачета периодов обучения в другом вузе!

Как эта проблема видится студентам и преподавателям?

Из проходивших обучение каждый седьмой студент не столкнулся ни с какими трудностями. Что же касается остальных, то трудности по частоте упоминания выстраиваются следующим образом: организационные вопросы (оформление документов и пр.) – 29%; финансовые вопросы – 25%; отсутствие достаточной информации о возможностях пройти обучение в другом вузе – 21%; психологические трудности (адаптация в условиях другого вуза) – 17%; перезачет в своем вузе дисциплин, изученных в других вузах, – 13%; получение разрешения администрацией вуза на прохождение части обучения в другом вузе – 4%.

Лидируют организационные вопросы (оформление документов и т. д.). В принципе это проблема не столько вузов, сколько порядка финансовой и др. отчетности, устанавливаемой не вузами. Однако практически каждый третий студент сталкивается с проблемой оформления документов. Есть масса трудностей, на которые указали интервьюируемые, например, невозможно оформить поездку студента как командировку и оплатить за счет вуза, поскольку студент не находится в трудовых отношениях с вузом и т. д. Видимо, вузам целесообразно ходатайствовать о создании унифицированного оптимального порядка оформления документов участников академической мобильности на уровне Министерства образования и науки в сотрудничестве с другими министерствами.

Проблему финансовых трудностей вряд ли стоит комментировать; но то, что на третьем месте – проблема информационная (каждый пятый жалуется на отсутствие достаточной информации о возможностях пройти обучение в другом вузе), говорит о серьезной недоработке именно вузов. Осуществление информационной и экспертной работы, безусловно, их задача. Эти данные еще раз подтверждают ранее сделанный вывод о недостаточности информационной работы вузов.

О серьезной проблеме говорят и другие полученные данные – 4% респондентов говорят о сложностях получения разрешения администрации вуза на прохождение части обучения в другом вузе.

Здесь, однако, есть ряд сложных проблем. До сих пор не решено, например, каков будет порядок организации академической мобильности – заявительный (то есть согласие вуза студенту на освоение части ООП в другом вузе выдается «автоматически») или разрешительный (администрация имеет право разрешить освоение части ООП в другом вузе или отказать в ходатайстве). Ведь вуз вправе оценивать качество предоставляемых другим вузом образовательных услуг, а также целесообразность изучения данных модулей студентом. Какова должна быть эта процедура? Хотя ряд полномочий дан вузу «Типовым положением об образовательном учреждении высшего профессионального образования», однако детально вопросы индивидуализации образовательной траектории, а также полномочий и ответственности вуза в рамках данной траектории никак не отрегулированы.

Теперь посмотрим на проблему организации индивидуальной академической мобильности студентов глазами преподавателей и, опираясь на данные глубинных интервью, выделим расхождения. Их, по крайней мере, два.

Во-первых, подавляющее большинство интервьюируемых преподавателей полагает, что инициатива освоения части ООП в другом вузе должна исходить от студента, вуз лишь может поддержать ее, решая вопросы признания и т. д. А студенты ждут инициативы вуза.

Во-вторых, преподаватели отмечают проблему, о которой студенты не говорили, – уровень языковой подготовки. Высказывание одного из интервьюируемых достаточно характерно: «Но главные причины низкой мобильности – финансирование таких программ; плохое знание иностранных языков. К примеру, в прошлом году приезжали к нам на международный социологический конгресс, одними из организаторов которого мы были, коллеги из ряда турецких университетов, предлагали подумать о взаимном обмене студентов (магистрантов). Мы прошлись пофамильно по нашим магистрантам и не нашли ни одного, кто бы смог на английском языке обучаться в Турции». Это связано, видимо, с тем, что студенты, решившие пройти часть обучения по ООП в зарубежном вузе, самостоятельно решают проблему языковой подготовки.

А каково представление преподавателей об академической мобильности самого профессорско-преподавательского состава? На вопрос: «Если поездки в вузы других городов России и других стран практикуются, то какова, по Вашему мнению, позиция руководства вашего вуза в отношении этих поездок?» – 38% отвечают, что академическая мобильность поощряется; 55% затрудняются ответить, а 8% опрошенных преподавателей утверждают, что академическая мобильность руководством структурного подразделения и вуза не поощряется. Данные интервью подтверждают эти цифры – вот суждение заместителя руководителя структурного подразделения по учебной работе: «Как правило, в год 5–6 человек получают возможности академической мобильности. Но не всегда это укладывается в рамки учебного процесса». Однако руководство вузов утверждало, что политика вуза в отношении академической мобильности преподавателей изменилась в сторону усиления, и только 7% о таком усилении не говорили. Видимо, действительно в небольшом числе случаев речь идет об отсутствии поддержки.

Если же вуз оказывает поддержку, то какую? 54% говорят об информационной поддержке; 43% – о финансовой; о помощи в оформлении документов заявили 34% опрошенных. (В УрФО о финансовой заявили 27,2% преподавателей, об информационной – 15,4%, столько же – о помощи в оформлении документов и другой организационной помощи.) Руководство вузов УрФО ведет себя пассивнее, чем руководство вузов в среднем по стране. Сопоставляя эти данные с данными глубинных интервью, получаем следующее: в случае финансовой поддержки речь идет чаще всего о совместных программах вузов разных городов и стран, причем эта практика становится все более массовой – примерно в каждом третьем вузе преподаватели рассказывают о совместных программах. Иногда, правда, преподаватели путают академическую мобильность и курсы повышения квалификации в другом вузе. В отли-

чие от студентов, преподаватели на отсутствие информации, предоставляемой руководством вуза, не жалуются.

Основные же трудности академической мобильности преподавателей, выделяемые респондентами, – проблема языкового барьера (упоминаются чаще всех в глубинных интервью), финансовые трудности (вторые по частоте упоминания), организационные проблемы (прежде всего, чтение «часов» данного преподавателя другими во время его отъезда в рамках академической мобильности).

Просуммируем написанное выше о проблемах развития академической мобильности.

Конечно, проблема непроработанности правового поля серьезно тормозит развитие мобильности. Интересно, что часть работы по нормативно-методическому обеспечению академической мобильности должна лечь на плечи вуза, и вузы к этому готовы. В частности, на вопрос, какие аспекты при переходе на ФГОС нуждаются в нормативном регулировании и на каком уровне, были получены следующие ответы (табл. 5).

Кроме большого блока проблем нормативного плана, традиционно лидирует финансовая проблема. Однако надо отметить, что частота ее упоминания не зависит от активности вуза – и вузы, имеющие большое число договоров и совместных программ, и вузы, их вообще не имеющие, в равной степени указывают на данную проблему. Из этого можно заключить, что, хотя финансовые трудности есть, не они являются основным тормозом развития академической мобильности. Выше было показано, что около 4% вузов вообще не предпринимают никаких усилий для развития академической мобильности, а реальная систематическая политика по ее развитию проводится не более, чем в 50% вузов. Необходима серьезная информационная работа, ведь у преподавателей вузов нет понимания базовых вещей, например, что такое практика признания, не говоря уже о понятии «совместная программа» или знакомстве с методологией TUNING. Это же подтверждается тем, что одна из основных проблем развития мобильности, указываемая студентами, – отсутствие информации. Тормозом развития академической мобильности является безынициативность вузов, но вузы могут самостоятельно справиться с данной проблемой.

Таблица 5

Направления международной деятельности вуза, нуждающиеся в нормативно-правовом регулировании (% вузов от общего числа вузов, участвовавших в мониторинге, полагающих данный тип регулирования необходимым); на октябрь 2011 г.

	Процент вузов, давших ответ «Нормативное регулирование не нужно»	Процент вузов, давших ответ «Нормативно-правовое регулирование необходимо на федеральном уровне»	Процент вузов, давших ответ «Нормативно-правовое регулирование необходимо на уровне вуза»	Процент вузов, давших ответ «Нормативно-правовое регулирование необходимо и на федеральном уровне, и на уровне вуза»
Реализация вузами совместных образовательных программ (в том числе с зарубежными вузами), включая программы двойных дипломов	6,1	64,8	13,5	15,5
Механизмы и процедуры зачета и аттестации периодов обучения, освоенных студентами в других вузах, в том числе зарубежных	6,1	66,5	11,3	16,1